

16. Швобс Г.И. Прорыв в прошлое. Одесса: Маяк, 1998. 299 с.
17. Филин В.А. Видоэкология. М.: ЭМКА-ПРЕСС, 1997. 240 с.
18. Уфимцев Г.Ф., Щетников А.А. Геоморфологические памятники Тункинской долины // География и природ. ресурсы. 1998. № 3. С. 76–80.

Ин-т географии РАН,
Геофак МГУ,
ИЗК СО РАН, Иркутск

Поступила в редакцию
19.03.99

GEOMORPHOLOGY YESTERDAY, TODAY AND TOMORROW

D.A. TIMOFEYEV, O.A. BORSOUK, G.F. UFIMTSEV

S u m m a r y

Paradigms of geomorphology and their changes during its history are under consideration. Historical-genetic paradigm was predominant during the first of the 20th century. It was feologically oriented. In the middle of the century morphodynamic paradigm, more geofraphical one, was established. It has allowed modern geomorphology to come to solution of ecological tasks. In the near future the problems of three major types – geological, geographical and ecological will stay in the sphere of interest of geomorphology. Aesthetic geomorphology becomes one of the new lines, the aesthetic properties of geomorphological landscapes being its object.

УДК 551.4(091)

© 1999 г. В.И. МЫСЛИВЕЦ, Г.А. САФЬЯНОВ, Ю.Г. СИМОНОВ

АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ И ПОДГОТОВКА ГЕОМОРФОЛОГОВ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Научная общественность страны отмечает в этом году 275-летие нашей Российской Академии. Основанная в 1724 г. по плану Петра I, она стала первой в мире академией, в которой были сосредоточены специализированные научные учреждения. В них не только подводились итоги научных исследований, выполненных в университетах, лабораториях и институтах других научных учреждений (не входивших в состав академии), но и велись собственные конкретные, преимущественно фундаментальные научные исследования. Особенно это типично для начального периода ее существования, так как практически все научные достижения России XVIII и начала XIX вв. связаны с работами российских академиков.

При создании академии в ее уставе специально подчеркивалось, что Россия особенно нуждается в астрономах и географах. В качестве одной из задач была подчеркнута подготовка ученых высшей специализации. При академии существовал собственный университет. В первом уставе Академии наук писалось, что каждому академику в помощь и для обучения наукам должны были быть приданы "один или два человека из младых студентов", которые должны были помогать академикам и одновременно обучаться наукам. Кроме того писалось, что "...Надлежит по два человека еще прибавить, которые из славенского народа дабы могли удобнее русских учить..."

Нам, географам, хорошо известна выдающаяся роль академии и академических экспедиций в изучении географии нашей страны и ее производительных сил. Известно также, что в первой четверти XIX в. функции академии начинают меняться. Задачи подготовки специалистов с высшим образованием, "кураторство" над средними учебными заведениями и др. постепенно переходят собственно к университетам, так как все это сосредотачивается в Министерстве образования, а страна делится на учебные

округа. В округа входят и гимназии и университеты. Заметно снижается значение Академии наук и в изучении географии России. Эти функции на себя берет Русское географическое общество, организованное в 1845 г. А к концу XIX в. все ошутимее становится отсутствие в Академии наук специальной географической ячейки. На это обращает внимание Д.Н. Анучин, основатель географической школы Московского университета и почетный академик, избранный в нее по профилю антропологии и этнографии. Он неоднократно выступает по этому поводу в печати и на съездах, считая, что университеты и Географическое общество даже вместе не могут выполнять те функции, которые по своему статусу должно было бы и могло выполнять академическое учреждение географического профиля. Однако голос его в то время не был услышан.

В 1918 г. был создан первый в нашей стране Географический институт, в котором учились и вели преподавание выдающиеся географы, геологи и ботаники того времени, ставшие впоследствии академиками, и внесшими большой вклад в развитие нашей отечественной географии. Кроме научной работы они постоянно преподавали в университетах, закладывая основы современной географии и геоморфологии. Это академики Л.С. Берг, И.П. Герасимов, А.А. Григорьев, К.К. Марков, В.Н. Сукачев, Ю.М. Шокальский и многие другие. Географический институт сосредоточил в себе опыт ленинградской географической и геологической школы. Типичными чертами для них обоих был большой интерес не только к географическим формам и вопросам их образования, но и к изучению глобальных географических явлений (широтная географическая зональность), к протекающим процессам, а также к изучению вещества, которое принимает участие в создании различных форм. Географическая школа Московского университета развивалась несколько иначе. В ней заметно преобладали интересы, связанные со становлением страноведения, с развитием общего землевладения и, в частности, геоморфологии и картографирования.

Известно, что в 1925 г. постановлением ЦИК и СНК СССР Академия наук была признана высшим научным учреждением страны, а в 1929 г. в ней произошли организационные перемены. В частности Академия наук избрала в свой состав большое число новых членов. В 1933 г. она была передана в ведение СНК СССР, а ее работа стала более тесно увязываться с работой наркоматов и Госплана СССР. В 1934 г. было принято решение о ее переезде в Москву. Именно с этого момента в жизни географов и геоморфологов Московского университета начинается особый период, который продолжается и до настоящего времени. Это период плодотворных контактов с географами Института географии РАН.

При переезде Академии наук в Москве был организован Геоморфологический институт Академии наук. Позже, по инициативе его директора А.А. Григорьева, он был переименован и преобразован в Институт географии, в котором была создана группа, а позже и отдел геоморфологии. Создание любого научного учреждения требует больших организационных усилий. И, конечно, же, требуется специальный подбор кадров. Несмотря на то, что из Ленинграда в Москву переехало много специалистов высшей квалификации, все же крупных ученых в институте было явно недостаточно. И, как следовало ожидать, А.А. Григорьев рассчитывал на научное сотрудничество с Московским университетом. Первым важным для университета шагом явилось то, что практически одновременно с созданием Института географии Академии наук на географический факультет Московского университета "высадился академический десант", который внес существенный вклад в создание научной университетской географической концепции и, особенно, геоморфологии. В университете начали вести занятия А.А. Григорьев, И.П. Герасимов и К.К. Марков. С этого времени выпускники географического факультета МГУ (прежде всего физико-географы) начали формироваться как ученые под одновременным влиянием традиционного университетского направления, созданного еще Д.Н. Анучиным и его участниками: А.А. Борзовым, Б.Ф. Добрыниным, С.Г. Григорьевым и И.С. Шукиным, а также под влиянием идей, выработанных нашими академическими коллегами.

Академическая школа геоморфологии начала формироваться еще в 20-е годы, когда большинство наших академических коллег старшего возраста (по крайней мере их ядро) учились и работали в Ленинграде. Поэтому можно сказать, что в 30-е годы в Москве, на базе Московского университета начал складываться синтез идей двух ведущих геоморфологических направлений в России.

Особое значение для этого синтеза имели две книги, вышедшие в 1939 г., одна из которых была научной монографией, а другая учебным пособием. Обе они принадлежали перу одних и тех же авторов И.П. Герасимова и К.К. Маркова, которые были научными сотрудниками Института географии Академии наук и одновременно преподавали в Московском университете. Здесь имеются в виду: "Ледниковый период на территории СССР" и "Четвертичная геология". Студенты старших курсов и молодые выпускники тех лет вспоминают об этих книгах, как о выдающемся событии в геоморфологии. К тому же они нашли особенно благоприятную почву в умах специалистов и преподавателей географического факультета Московского университета.

Так сложилось, что Центр России в то время был тем полигоном, на котором учеными и преподавателями МГУ создавались и совершенствовались методики полевых исследований рельефа и создавались принципы геоморфологического картографирования. К середине 30-х годов в университете уже накопился достаточно обширный материал о рельефе Центра России и его происхождении. Поэтому насыщенные новыми идеями эти две чрезвычайно важные публикации не могли не вызвать заинтересованности ученых. Особенно были полезными идеи о наличии в природе связей между происхождением рельефа, его возрастом и составом рыхлых отложений. Позже это выльется в создание учения о морфолитогенезе.

Говоря о научных контактах между Академией и Московским университетом в довоенные годы, нельзя не сказать о том, что Институт географии именно в эти годы надолго становится одним из главных потребителей выпускников географического факультета. Без преувеличения можно сказать, что выпускники 30-х годов нашего факультета образовали некоторую основу для развития геоморфологии в академической географии. И старшее поколение академических геоморфологов в своем большинстве были питомцами геофака. По существу – это был своеобразный обмен идеями и кадрами. Но нельзя так сказать, что, перейдя в академический институт, специалисты с университетским географическим образованием продолжали развивать только лишь "борзовские, шукинские или добрынинские идеи". Оказавшись на новом месте, они впитывали в себя замечательные географические идеи, созданные в рамках академической школы. Но может быть даже важнее то, что они осваивали и развивали дальше академические традиции географии, которые к этому времени начали складываться под влиянием идей А.А. Григорьева, а позже и И.П. Герасимова. Так параллельно шло обогащение идей, так формировались два близких научных коллектива, но каждый со своим особым профилем.

Академические отряды и экспедиции постепенно становятся местом прохождения производственных практик для студентов географов. Они там приобретают опыт проведения полевых исследований, который заметно дополнял то, что давалось студентам в учебных практиках. Эти студенты возвращались в Москву, защищали свои курсовые и дипломные работы. И это также становилось своеобразным каналом обмена информацией, обмена опытом постановки исследований и их реализации.

Затем была война – время совместной работы многих университетских и академических географов в знаменитой комиссии под руководством академика А.Е. Ферсмана. Там был накоплен богатейший опыт по созданию специальных карт, на котором уже в послевоенные годы вырастет в университете целое научное направление – общее и специальное (прикладное) геоморфологическое картографирование. Большое значение для этого имела статья К.К. Маркова "О содержании геоморфологической карты", а также чуть позже вышедший томик по геоморфологическому районированию.

В 1945 г. К.К. Марков становится деканом географического факультета. Это можно рассматривать, как еще один важный шаг влияния академической науки на становление послевоенной географии в Московском университете. Марковым создается и читается ряд новых учебных курсов. Под его руководством защищаются студенческие работы и кандидатские диссертации. Мы с этого времени воспринимаем его, как университетского ученого и педагога, но не забываем и того, что у К.К. Маркова до конца его дней оставались и академические корни.

Кафедра геоморфологии в Московском университете была создана в 1944 г. Возглавил ее И.С. Шукин, ученик Д.Н. Анучина и соратник А.А. Борзова. Но если всматриваться пристально в процесс становления учебных планов кафедры геоморфологии Московского университета, то нельзя не заметить в ней определенного участия и К.К. Маркова. В 1946 г. на базе Красновидово проводится первая специализированная практика по геоморфологии. Нетрудно увидеть, что при создании самой красновидовской учебной базы и в особенностях проведения на ней практик К.К. Марковым был использован опыт проведения подобных практик в Саблино. Эти практики в свое время были организованы и методически разработаны учеными и преподавателями Ленинградского университета, часть из которых затем переехала в Москву и составила ядро Института географии Академии наук. И здесь нельзя не увидеть связи между Академией и университетом.

Говоря о влиянии академических ученых на становление университетской геоморфологии в Московском университете, нельзя пройти мимо того огромного вклада, который внес в это важное дело И.П. Герасимов. Из его учения о морфоскульптуре, морфоструктуре и геотектуре в университете большое развитие получило лишь учение о морфоструктуре. Вероятно, этому способствовало и то, что организационно, а затем и идейно во главе этой части учения стоял выдающийся геоморфолог нашего времени Ю.А. Мещеряков. Его работы о морфоструктуре платформенных областей создали почву для развития структурной геоморфологии в нашей стране, которое в 50-е годы стало заметно доминировать в учебной работе кафедры геоморфологии. Ю.А. Мещеряков внимательно следил за всем, что делалось в этой области в нашей стране и систематически помогал университетским преподавателям. В университете его направление развивали Г.С. Ананьев, Л.Б. Аристархова, Н.В. Башенина, С.С. Воскресенский, А.А. Лукашов, Л.Г. Никифоров, Ю.Г. Симонов и их коллеги.

Кроме того, Ю.А. Мещеряков чрезвычайно много сделал в области создания методов изучения новейших тектонических движений, что нашло свое отражение в учебных курсах кафедры.

В развитии палеогеографии в академическом институте и на географическом факультете большое значение имели работы И.П. Герасимова и К.К. Маркова. В академии их идеи далее развили А.А. Асеев, А.А. Величко, Л.Р. Серебрянный, Н.С. Чеботарева – выпускники географического факультета и их сотрудники. В университете это направление продолжали развивать С.С. Воскресенский, М.В. Карандеева, О.К. Леонтьев, А.И. Спиридонов и их ученики и последователи: Г.С. Ананьев, Л.В. Зорин, Г.И. Рычагов, А.А. Свиточ, Ю.Г. Симонов, Н.Г. Судакова и их коллеги.

В 1960 г. вышел в свет первый том "Общей геоморфологии" И.С. Шукина. В 1964 и 1974 гг. вышли еще два тома. В результате образовалась как бы "малая геоморфологическая энциклопедия". Если проанализировать список использованной и рекомендованной студентам литературы, то можно увидеть какое большое значение придавал И.С. Шукин работам своих академических коллег. В нем мы найдем ссылки на работы: Г.А. Авсюка, В.А. Апродова, Н.С. Благоволина, А.Г. Гаеля, С.Ю. Геллера, И.П. Герасимова и К.К. Маркова, М.Б. Горнунга, А.А. Григорьева, А.Ф. Гужевой, Н.В. Думитрашко, Ю.М. Клейнера, А.С. Кесь и А.М. Семенов-Тянь-Шанской, С.С. Коржуева, В.Н. Кунина, С.Л. Кушева, Д.А. Лилиенберга, Ю.А. Мещерякова, Э.М. Мурзаева, В.В. Никольской, Г.В. Обеднентовой, В.Н. Олюнина, В.С. Преображенского, Б.Б. Польшова, Г.Д. Рихтера, Д.А. Тимофеева, Б.А. Федоровича, В.М. Фридлянда и ряда других.

За каждой из этих фамилий стоит вполне конкретная опубликованная работа, конкретное исследование, на примере которых прошло обучение и геоморфологическое становление не менее тысячи подготовленных специалистов. И это пример только одного курса лекций. Из него хорошо видно, как велик реальный вклад академических геоморфологов в обучение специалистов, которых готовила кафедра геоморфологии. И это не все имена, и не все работы, достойные упоминания в этой не очень большой по объему публикации.

Мы высоко ценим работы и современного коллектива геоморфологов Института географии, а также дорогих нам товарищей недавно ушедших из жизни. Назовем лишь некоторых из них. Прежде всего Д.А. Тимофеева, который вот уже много лет читает у нас замечательный курс лекций, передавая нашим выпускникам свой опыт и особое видение геоморфологии как науки. Много лет он был председателем государственной комиссии (ГЭКа). Мы благодарны ему за активную и конструктивную позицию на заседаниях нашего ученого совета по присуждению ученых степеней, членом которого он является много лет. Нам очень помогает в воспитании наших студентов Э.А. Лихачева. Много лет возглавлял на нашем факультете работу ГЭК по геоморфологической специализации Ю.А. Павлидис, за что мы его сердечно благодарим. Мы рады тому, что с 1999 г. принял на себя обязанности председателя нашей государственной экзаменационной комиссии В.П. Чичагов. Мы постоянно пользуемся консультациями и сверяем свои результаты научных исследований с работами А.Н. Маккавеева, В.Вад. Бронгулеева и многих других. В нашей памяти остаются контакты с А.А. Асеевым, который долгое время после Ю.А. Мещерякова руководил отделом геоморфологии.

Большое значение имеют совместные работы по программе "Интеграция" с группой специалистов Института географии РАН, возглавляемых А.А. Величко. Кроме конкретных научных результатов, полученных на нашем учебном полигоне в Сатино важным является то, что эти работы привели к созданию нового учебного курса лекций, который уже читают на нашей кафедре академические коллеги.

Среди книг, написанных коллективом геоморфологов Института географии РАН, нельзя пройти мимо великолепной монографии "Рельеф Земли". В ней обобщен опыт теоретической работы и фундаментальных исследований одного из крупнейших геоморфологических коллективов нашей страны и может быть мира. Идеи, заложенные в этой монографии, широко использовались и продолжают использоваться нами в подготовке новых курсов лекций и нашими студентами в их самостоятельной работе. Вообще можно отметить еще ряд крупных коллективных работ наших коллег другого плана. Среди них нельзя пройти мимо замечательных карт по территории России и мира.

Говоря о роли специалистов-геоморфологов из академических институтов в воспитании геоморфологов Московского университета, мы должны вспомнить о том, что в течение многих десятилетий при Академии наук успешно работает межведомственная Геоморфологическая комиссия, которой сначала руководил И.П. Герасимов, а в последние годы начатое им дело продолжает Д.А. Тимофеев. Пленумы комиссии дают большой заряд идей для последующих размышлений, на них начинаются и порой не оканчиваются важнейшие дискуссии (о поверхностях выравнивания и корях выветривания, и палеогеоморфологии, о содержании инженерной и экологической геоморфологии, о геоморфологических корреляциях и о многих других вопросах современной геоморфологии). Говоря о значительной работе коллектива геоморфологов Института географии РАН, нельзя не вспомнить, что вот уже скоро 30 лет, благодаря усилиям наших коллег выходит единственный в России журнал "Геоморфология" — реальная арена для геоморфологических дискуссий и взаимного обмена информацией.

Большую роль играет взаимодействие ученых Академии и университета в области морской геоморфологии. Историю отечественных исследований рельефа дна океанов и морей можно в первом приближении разделить на три крупных этапа. Первый — до начала XX в. — характеризовался инициативными исследованиями ученых-одиночек,

проводившихся, как правило, на кораблях военно-морского флота. Второй этап включает 20–40-е годы, когда были развернуты планомерные исследования омывающих СССР морей и Арктики. Точечные промеры глубин тросовым лотом давали ограниченное представление о рельефе дна; более значительные результаты были достигнуты в изучении донных отложений, поскольку грунтовая трубка приносила гораздо больше информации, чем единичная отметка глубины, полученная на той же станции. Примером могут служить исследования Черного моря, проведенные А.Д. Архангельским и Н.М. Страховым. Обработку данных, полученных при промерах и составлении батиметрических карт выполняли способом линейной интерполяции. Тем не менее, к этому времени относятся исследования подводного рельефа, проводившиеся Н.Н. Зубовым, М.В. Кленовой, В.П. Зенковичем, Г.У. Линдбергом, Л.С. Бергом, участниками экспедиций в Арктике и на Дальнем Востоке. Разрабатывались теоретические проблемы (оценка роли субаэральных факторов в формировании рельефа шельфа, происхождение подводных каньонов и другие). Итоги этого этапа были подведены в вышедшей уже в конце 40-х годов книге М.В. Кленовой "Геология моря".

С конца 40-х годов начался третий этап. Использование эхолотов-самописцев ознаменовало начало подлинной революции в технических средствах исследования дна, по существу, продолжающейся до настоящего времени. Получение записей непрерывного эхолотирования позволило В.Ф. Канаеву и Г.Б. Удинцеву разработать принципиально новый способ составления батиметрических карт – метод геоморфологической интерполяции, когда на пространствах между соседними галсами изобаты рисуются, исходя из некоторой гипотезы о генезисе рельефа.

В эти же годы усилия исследователей получают мощнейшую организационную и материальную поддержку государства – создается Институт океанологии АН СССР в Москве с его отделениями на Балтике и Черном море, начинаются рейсы "Витязя", из которых каждый был событием, позднее отправляются экспедиции в Антарктику. И в эти годы в МГУ начинают готовить специалистов в области геоморфологии морского дна. Вполне понятно, что достижения и проблемы зарождающейся морской геоморфологии нашли в этой подготовке свое место. Неоценимую роль при этом сыграли два выдающихся ученых – Н.Н. Зубов и О.К. Леонтьев.

О.К. Леонтьев с 1952 г. при поддержке И.С. Шукина начал читать новый учебный курс – "Геоморфология морских берегов и дна" и написал одноименное руководство, увидевшее свет в 1955 г. Это было первое в отечественной литературе монографическое обобщение данных о рельефе дна океана. Одновременно, по предложению Н.Н. Зубова, О.К. Леонтьев начал читать курс "Морская геология" для студентов вновь организованной в МГУ кафедры океанологии, а в 1963 г. опубликовал "Краткий курс морской геологии", посвятив книгу памяти Н.Н. Зубова. В обеих книгах широко использованы как теоретические разработки, так и данные региональных исследований ученых Академии наук – А.Д. Архангельского, Н.М. Страхова, В.В. Белоусова, А.П. Лисицына, В.Ф. Канаева, Г.Б. Удинцева, А.В. Живаго, П.Л. Безрукова и многих других. В частности, при интерпретации природы тектонических структур применен сформулированный В.В. Белоусовым "батиметрический метод изучения геотектоники океанов". В этой же книге О.К. Леонтьев, впервые в мировой литературе, указал на единство мировой системы срединно-океанических хребтов. Ныне это – фундаментальное положение наук о Земле.

В вышедшей в 1968 г. книге "Дно океана", как и в более поздних работах, О.К. Леонтьев обсуждает проблему происхождения срединно-океанических хребтов и при этом использует еще одно представление, родившееся в "академической" науке. Речь идет о концепции георифтогеналей – тектонических структур, выраженных морфологически в виде срединно-океанических хребтов. Автор этой концепции Г.Б. Удинцев, придает им такое же значение в развитии земной коры, как и геосинклиналям традиционной геологии. Такое созвучие взглядов двух ведущих морских геоморфологов нашего времени интересно еще и тем, что оба они оставались в меньшинстве в научных дискуссиях, не разделяя широко признанных положений тектоники лито-

сферных плит. Попутно заметим, что в наши дни эту традицию продолжает "тандем" в составе А.В. Ильина из Акустического института и В.В. Фроля с кафедры геоморфологии МГУ.

Взаимодействию ученых академии и университета способствовало участие в научно-исследовательских рейсах судов Академии наук. Ярким примером является теперь уже легендарный рейс "Дмитрия Менделеева" по островам Тихого океана с заходом на Берег Маклая на Новой Гвинее. Он положил начало широкому исследованию морфологии и динамики коралловых рифов. Принципиально новым было использование О.К. Леонтьевым, В.С. Медведевым и их соавторами данных по морфологии атоллов для изучения вертикальных движений океанских морфоструктур. В 70-х годах появились крупные геоморфологические обобщения академических ученых по отдельным океанам: А.В. Живаго по Южному, Г.Б. Удинцева по Тихому, А.В. Ильина по Атлантическому, В.Ф. Канаева по Индийскому океанам. Этот материал сразу находил свое место в учебных курсах.

В эти годы совместно с учеными Института водных проблем – Г.П. Калинин и его коллегами – кафедрой геоморфологии было выполнено серьезное исследование проблем глобального водообмена геоморфологическими методами. В частности, были получены новые значения основных морфометрических характеристик Мирового океана. На кафедре геоморфологии и палеогеографии МГУ в полной мере реализуется принцип обучения через исследование, в том числе и через академическое. Неоценимую возможность при этом представляет участие студентов в научно-исследовательских рейсах, в частности, в последнее время – в экспедициях Института океанологии в Баренцевом море (руководители Н.А. Айбулатов, Ю.А. Павлидис). Плодотворные контакты осуществляются с морскими геоморфологами и тектонистами Геологического института РАН (Н.Н. Турко, А.О. Мазарович).

Несколько слов следует сказать о взаимодействии ученых академии и университета на уровне развиваемых ими концепций. Выше была отмечена выдающаяся роль совместной работы К.К. Маркова и И.П. Герасимова. Как известно, позднее каждый из них стал автором крупного теоретического обобщения: К.К. Марков – о геоморфологических уровнях, И.П. Герасимов – о геотектурах, морфоструктурах и морфоскульптурах. Учение о морфоскульптуре не получило развития на кафедре геоморфологии. Анализ экзогенного рельефообразования проводится чаще с позиций учения о морфосистемах. Морфоструктурные же представления были восприняты очень широко и получили развитие. При этом мы не считаем концепции К.К. Маркова и И.П. Герасимова альтернативными – наоборот: использование данных о деформациях региональных геоморфологических реперов, о которых для анализа динамики морфоструктур в качестве маркеров используются планетарные (марковские) уровни представляет собой синтез двух основных концепций отечественной геоморфологии. Поинюмо обстоит дело с геотектурами. О.К. Леонтьев, рассматривая вопрос о наиболее крупных геоморфологических подразделениях земной поверхности, пришел к выводу о невозможности выделения категории форм, в происхождении которых решающую роль играли космические и планетарные факторы и соответственно о ненужности термина "геотектура". Как известно, в качестве самых крупных категорий он предложил выделять планетарные морфоструктуры и показал их на составленной совместно с Н.В. Башениной геоморфологической карте Мира. И.П. Герасимов, судя по последним его публикациям, также отошел от первоначальной трактовки термина "геотектура".

Вместе с тем, сейчас появляются данные, позволяющие пересмотреть роль космических и планетарных факторов в происхождении материков и океанов, реабилитировав и реанимировав первоначальные взгляды И.П. Герасимова, осуществить тем самым синтез обеих концепций. Такая попытка была предпринята одним из авторов настоящей статьи в разделе коллективной монографии "Генезис рельефа" (1988), опубликованной по материалам Иркутского семинара.

Более сдержанным является отношение университетских геоморфологов к попытке

И.П. Герасимова использовать концепцию тектоники литосферных плит для развития идей глобальной геоморфологии. Мы считаем, что в этом направлении еще требуются значительные усилия, и говорить о достижениях пока рано. Мы не поддерживаем представлений И.П. Герасимова о наличии в истории развития рельефа Земли особого геоморфологического этапа, в который объединены события мезозоя и кайнозоя. Мы собственно не отрицаем самого наличия этого особого этапа, сколько возражаем против его названия. Нам просто трудно представить себе, что в домезозойское время рельеф на поверхности Земли отсутствовал или что его должна изучать какая-то другая наука.

И все же хочется подчеркнуть не столько наши расхождения в работе над созданием научных концепций. Существует ряд направлений исследований, где совместные усилия ученых академии и университета дают значительные результаты. И в связи с этим в первую очередь хочется вспоминать об активно развивающемся сейчас учении о морфолитогенезе. Опубликованная недавно в "Вестнике Московского университета" статья извещает нас от необходимости подробно освещать этот вопрос. Отметим лишь ту роль, которую сыграли сотрудники Института океанологии РАН: А.П. Лисицын, Е.Н. Невесский, В.В. Лонгинов, А.А. Аксенов, А.С. Ионин, В.С. Ионин, В.С. Медведев, Н.А. Айбулатов, Ю.А. Павлидис, Ф.А. Щербаков и их коллеги в развитии представлений о морфолитогенезе в океане, его зональных типах и новейшей истории.

В ней морфолитогенез рассматривается на широком палеогеографическом фоне. Несомненно, дальнейшее развитие учения о морфолитогенезе может послужить полем взаимодействия ученых академии и университета.

К сожалению, не все совместные начинания академических и университетских ученых получили свое дальнейшее развитие. Речь идет о географии океана – новом научном направлении, основы которого были заложены в 70-х годах К.К. Марковым, М.М. Ермолаевым, О.К. Леонтьевым, А.Д. Добровольским, В.Л. Лебедевым, В.И. Лымаевым и многими другими специалистами. После выхода в свет в издательстве "Наука" известной серии "География океана" были опубликованы книги О.К. Леонтьева, В.Л. Лебедева, Г.А. Сафьянова, А.В. Гембеля, В.И. Лымаева, Б.С. Залогина – сотрудников университета. В Академии наук эти исследования не получили дальнейшего развития, хотя необходимость в них – в частности, для решения проблем геоэкологии океанов и морей – очевидна. Будем надеяться, что это положение исправится.

Формирование отечественной школы геоморфологии и динамики морских берегов берет начало на географическом факультете Московского университета. В 1937 г. на факультете под руководством проф. Б.Ф. Добрынина была создана межведомственная комиссия по исследованию морских побережий. Она проработала до Великой Отечественной войны, объединив вокруг себя сотрудников вузов, академии наук, отраслевых учреждений. Одним из результатов работы Комиссии было исследование побережий Крыма, заложившее основу будущего кадастрового описания побережий Черного моря. Комиссия Б.Ф. Добрынина стала предтечей будущей береговой секции Океанографической комиссии АН СССР, которую вскоре после войны возглавил В.П. Зенкович.

Ядром кристаллизации учения о динамике развития морских берегов стал выход в свет книги В.П. Зенковича (1946) "Динамика и морфология морских берегов", удостоенной Сталинской премии.

Поразительно, что созидательная работа ученых не прекращалась и во время войны. Именно в это время была создана кафедра геоморфологии на географическом факультете МГУ (1944). В то же время по инициативе академика П.П. Ширшова был отозван в Москву из армии с Дальнего Востока В.В. Лонгинов, заложивший впоследствии теоретические и экспериментальные основы динамики морских берегов, кстати говоря, – выпускник факультета. Для чтения курсов лекций в МГУ О.К. Леонтьев пригласил В.П. Зенковича, а позднее и В.В. Лонгинова. Впоследствии курс по динамике морских берегов В.В. Лонгинов передал Г.А. Сафьянову.

Отдел шельфа Института океанологии РАН в значительной степени укомплектован выпускниками кафедры геоморфологии МГУ. Среди них – выдающиеся ученые А.А. Аксенов, Н.А. Айбулатов, Ю.А. Павлидис, А.С. Ионин, В.С. Медведев, Н.С. Сперанский, А.О. Леонтьев. В этом же институте работает Р.Д. Косьян – профессор, доктор географических наук, директор Южного отделения ИО РАН, выпускник кафедры физики моря МГУ. Докторская диссертация защищена им на географическом факультете МГУ. Физики Р.Д. Косьян и Н.В. Пыхов, будучи аспирантами В.В. Лонгинова, стажировались в экспедиции географического факультета на Черном море. С.М. Анцыферов прочел спецкурс по методам литодинамических исследований студентам кафедры геоморфологии МГУ.

Успешно работают в академических институтах такие выдающиеся исследователи, как А.В. Живаго, Г.Б. Удинцев, А.В. Ильин, Д.Е. Гершанович, Г.Г. Матишов, внесшие огромный вклад в геоморфологические исследования океанического дна и берегов, также выпускники географического факультета МГУ. Выпускники МГУ, член-корреспондент РАН Ю.С. Долотов и Ф.А. Щербаков защитили докторские диссертации на географическом факультете.

Но плодотворное сотрудничество МГУ и РАН по линии: обучение – академическая наука – защита диссертаций – педагогическая практика, этим не ограничивается. В частности, для повышения уровня преподавания в области морской геоморфологии, динамики и развития берегов, а так же и для дальнейшего развития фундаментальной науки огромное значение имели и имеют работы академии А.П. Лисицына и его школы в области седиментологии океана и геоморфологии морского дна. Эти заслуги оценены международным сообществом и нашли отражение в награждении А.П. Лисицына золотой медалью Ф. Шепарда – выдающегося морского геолога и геоморфолога.

Естественно, что коллектив кафедры геоморфологии Московского университета не может в эти дни не вспоминать своих коллег из других академических институтов, наших друзей из Новосибирска, Иркутска и Владивостока и других научных центров. Мы поздравляем их и желаем им успехов. Особенно хотелось бы отметить сегодня большую работу, которую проводит Г.Ф. Уфимцев. Трудно переоценить работу Иркутского семинара – Флоренсовские чтения, которые вот уже много лет являются центром теоретических дискуссий и конструктивных решений. Новая его инициатива по созданию Ассоциации геоморфологов России свидетельствует о том, что не оскудеет геоморфологическая почва в России, когда в ней живут и работают такие замечательные исследователи и организаторы.

Все то, о чем мы написали в этой статье есть лишь маленькая толика того, о чем хотелось сказать нашим коллегам в их юбилейный год. Мы с интересом следим за тем, как выбирают свой путь и решают непростые для современного времени проблемы дружелюбные нам коллективы содружества геоморфологов. Нам дороги и полезны и человеческие контакты, которые с годами не ослабевают. Мы поздравляем их и от всей души желаем им успехов да еще и везения в жизни.

Московский государственный университет
Географический факультет

Поступила в редакцию
15.05.99

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES AND GEOMORPHOLOGISTS' TRAINING IN THE MOSCOW STATE UNIVERSITY

V.I. MYSLIVETS, G.A. SAFYANOV, Yu.G. SIMONOV

S u m m a r y

The types and the results of multiannual cooperation of Geomorphology Chair of the MSU with different institutes of the RAS are described. The importance of the connections between MSU and RAS is emphasized. The sequence may be seen: university education – mutual learning – mutual investigations – staff exchange – ideas exchange – scientific cooperation – the improvement of the university education.